

На следующее утро подземелья Слизерина вновь были окутаны сумрачным зеленоватым светом Черного озера, а воздух наполнился привычной сыростью и холодом. Лео безупречно поправил мантию, приколот на грудь серебряный значок факультета и в одиночестве покинул гостиную.

Когда он вошел в шумный и теплый Большой зал Хогвартса, яркие солнечные лучи пробивались сквозь высокие окна. В воздухе витали аппетитные ароматы поджаристого хлеба, бекона и кофе. Не глядя по сторонам, Лео прошел к столу Слизерина и занял укромное место в самом конце. Перед ним тут же возникли серебряные приборы и тарелка с едой.

Едва он успел сесть, как почувствовал на себе чей-то оживленный взгляд. Лили Эванс, сидевшая за столом Гриффиндора, заметила его, просияла и, радостно помахав рукой, беззвучно произнесла: Доброе утро!

Лео на мгновение замер. Из вежливости он едва заметно кивнул в ответ, тут же отвел глаза и уткнулся в свою тарелку, сделав вид, что яичница занимает всё его внимание.

Сидевший неподалеку от Лили Джеймс Поттер тоже не упустил этот момент. Он картинно вывернул голову в сторону Лео и скорчил нелепую гримасу, в которой сквозили презрение и вызов. Рядом с ним находился Сириус Блэк. Он выглядел рассеянным, даже мрачным: под серыми глазами залегли тени, а вилка механически тыкала в помидор на тарелке. Он словно не замечал ни дурачеств Джеймса, ни приветствия Лили, погрузившись в собственные мысли.

В этот миг у входа в зал послышался яростный, хлопающий звук крыльев. Ворвавшаяся внутрь сова, взъерошенная и свирепая, пронеслась над столами, словно черная молния. В когтях она сжимала конверт ярко-алого цвета, от которого веяло нескрываемой угрозой.

— Мерлин, это же громовещатель! — выдохнул кто-то из старшекурсников.

Шум в зале стих в одно мгновение, словно оборвался. Все взгляды — любопытные, удивленные, злорадные — скрестились на сове, а затем проследили за её полетом, пока та не зависла над столом Гриффиндора, прямо над Сириусом Блэком. Птица сбросила письмо в миску с овсянкой и, не дожидаясь реакции, тут же улетела, будто боясь разделить участь адресата.

Сириус застыл. Он смотрел на конверт, который начал дымиться и издавать угрожающий гул. Джеймс Поттер, побледнев, с тревогой наблюдал за другом. В зале воцарилась гробовая тишина.

Конверт затрясся и с треском разорвался. Из него вырвался пронзительный женский голос, усиленный магией до такой степени, что зазвенели кубки. Это была Вальбурга Блэк:

— Сириус Блэк! Позор нашего рода! Предатель крови!

Некоторые первокурсники испуганно втянули головы в плечи.

— Я растила тебя не для того, чтобы ты осквернял славное имя Блэков! Гриффиндор? Этот притон, полный грязнокровок и предателей крови?! Как ты посмел?! Как ты посмел навлечь на нашу семью такой позор? Твой брат Регулус стыдится тебя! Все чистокровные семьи смеются над нами! Ты недостойн своего имени и своих предков!

Голос срывался на визг:

— Немедленно иди к Дамблдору! Умоляй его перевести тебя на Слизерин! Если не сделаешь этого, можешь не возвращаться домой! В семье Блэк нет такого сына! Сгнивай в той помойке, которую называют Гриффиндором!

Последний крик, казалось, пробил уши всем присутствующим. Письмо самовоспламенилось, превратившись в пепел, который осыпал Сириуса и его чашку с молоком.

Наступила мертвая, удушливая тишина. Лишь спустя несколько секунд зал наполнился шепотком, а взгляды вновь устремились к центру событий. За столом Слизерина, оправившись от шока, слышались насмешки и злорадный шепот.

В этой давящей атмосфере Сириус наконец пошевелился. Лицо его стало бледным, как мрамор, но спина оставалась прямой. Под прицелом сотен глаз он медленно, с пугающим спокойствием стряхнул с плеча остатки письма. Затем снова взял вилку, которой до этого кромсал помидор.

Он не смотрел ни на кого, игнорируя попытки Джеймса заговорить. Сириус принялся методично разрезать овощ, отправлял кусочки в рот и проглатывал их с таким видом, будто только что прозвучавшее публичное отречение было всего лишь досадным шумом.

Лео молча наблюдал за ним. Возможно, его взгляд был слишком пристальным — Сириус вдруг поднял голову. Его серые глаза, пронзив шумный зал, встретились со взглядом Лео. Воздух между ними словно застыл. В глазах Сириуса не было ни тени слабости или смущения — лишь острая враждебность и раздражение от того, что его рассматривают. Он насмешливо приподнял бровь, и уголок его бледных губ дрогнул, безмолвно вопрошая: Насмотрелся, слизеринская змея? Хочешь еще полюбоваться?

Лео не отвел глаз и не выказал ни капли смятения. В его ледяных голубых глазах не читалось ничего, кроме спокойного безразличия, словно он смотрел на экспонат, не имеющий к нему никакого отношения. Спустя мгновение он едва заметно пожал плечами, как бы говоря: Ничего особенного, — и вновь углубился в свой завтрак.